

Мы выпускали птиц на волю

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Стоило Сонгцэну вернуться в родной клан, как его огорошили новостью: ему снова нужно было готовиться к свадьбе. И на этот раз он не испытывал никаких положительных эмоций на этот счет. Сонгцэн понимал, что слишком часто думает о Яшви, которая была в оказавшемся для неё родным клане тибетских лис. Они не могли быть вместе, его судьбу решал клан. Но от новости о новой помолвке ему было тошно.

За обедом ему представили невесту – Манишу Шах. Ей едва исполнилось шестнадцать, выглядела она и того младше. Она была невысокой и худощавой с крупными, но приятными чертами лица. Но она практически не смотрела в сторону Сонгцэна, и ему казалось, что во время знакомства она чувствовала себя так, как чувствовала себя Яшви, стоя на рынке. И ему было противно от самого себя и всей этой ситуации. Он пытался поддерживать разговор с Манишей, но она отвечала односложно, хоть и не огрызалась.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

За три дня, что Маниша провела в клане, они практически не общались. Хотя ради невесты принца устраивали показательные выступления воинов клана, роскошный прием во дворце и пикник на берегу озера Фева. В конечном итоге Сонгцэн принял ту же роль, что и Маниша: он просто держался возле неё, никак не выказывая своего отношения к происходящему.

Когда делегация клана Рысей покинула резиденцию Королевских Кобр, Сонгцэн понял, что можно перевести дух после этих выматывающих и бессмысленных мероприятий. А в его голову снова полезли мысли о том, как он хотел бы просто поговорить с Яшви о том, что сейчас чувствовал. Она его понимала, с ней он всегда мог быть честным и не сомневаться, что и она будет прямолинейна как стрела, говоря с ним. Стоило написать ей письмо, хотя бы пригласить на свадьбу.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Ночью Сонгцэн не мог заснуть, а утром узнал о том, что Маниша вновь приедет через неделю и на три недели останется во дворце – на все время, то будет идти подготовка к свадьбе. Он предпочел бы не видеть её дольше, потому что чувствовал себя виноватым перед ней всякий раз, когда ей приходилось находиться возле него.

Приезд Рысей снова начался с пышного обеда, на который были приглашены командиры и прочая знать. Когда вся компания стала расходиться по залу и обсуждать дела небольшими компаниями, Сонгцэн вышел на балкон и заметил там невесту. Она смотрела на заходящее солнце и была мрачнее тучи.

- Думаешь о том, как задушить меня подушкой в первую брачную ночь? – спросил Сонгцэн.

Девушка посмотрела на него с плохо скрываемым раздражением, но промолчала. Сонгцэн тоже больше ничего не добавил к своим словам. Подождал пару минут и вернулся в зал.

На следующий день Маниша удостоила его репликой, состоявшей аж из целого предложения:

- А Королевскую Кобру можно отравить ядом? – спросила девушка.

- Тем, что в твоих словах – вполне. Но я не кобра, - сказал Сонгцэн.

И до вечера они снова не разговаривали. Начало семейной жизни казалось Сонгцэну все менее радужным, если в этих оттенках черного и серого можно было найти что-то радужное прежде.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Через два дня, подавая завтрак, Кала отдала Сонгцэну письмо. Она сказала, что нашла его в коридоре, и оно, возможно, предназначалось ему. Сонгцэн чувствовал, что за этим таилась какая-то очередная дворцовая интрига. Конверт не был запечатан, но на нем были инициалы Маниши.

Когда Кала вышла из комнаты, Сонгцэн достал из конверта сложенный вдвое лист бумаги и пробежал взглядом короткое, но полное эмоций письмо. Оно было написано его невестой, но предназначалось не ему. Она писала некоему Кришне Дэву о том, что её вынудили уехать из клана, и что у неё нет возможности сбежать. Что ему стоит лучше прятаться, если хочет остаться в живых. Сонгцэн убрал письмо в конверт и подошел к окну. Маниша его ненавидела, потому что свадьба с ним разлучала её с этим Кришной. А Кала рассчитывала, что письмо станет причиной для скандала и расторжения помолвки. Только в результате этого скандала несостоявшаяся невеста не получит возможности сбежать с возлюбленным. В лучшем случае она отправится в монастырь до конца жизни. В худшем она погибнет от рук собственной семьи. Расторжение помолвки по инициативе Кобр будет поводом для серьезного скандала с кошачьим альянсом.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Вечером за ужином Сонгцэн обратил внимание на то, что Маниша сильно нервничала. Она могла обнаружить, что пропало письмо. Неизвестно, с кем она планировала его отправить, но среди рысей шептались, что пропала одна из служанок принцессы.

- Выйдем на балкон, нам нужно поговорить, - сказал Сонгцэн невесте, когда гости снова стали разбредаться по дворцу и парку.

На балконе никого не было, и здесь можно было рассчитывать, что лишние уши не станут слушать разговор. Достаточно, что со стороны оба клана смогут любоваться почти мирным разговором жениха и невесты. Сонгцэн подошел к перилам и незаметно протянул Манише её письмо.

- Ты умеешь ездить верхом? – спросил он.

Девушка побледнела и вцепилась в перила, но письмо взяла, испуганно глядя на Сонгцэна.

- Да, училась в детстве, - тихо ответила она.

- Смена караула в два часа ночи, - сказал Сонгцэн, глядя на парк. – С балкона твоей комнаты можно спуститься по решетке для роз. За конюшней тебя будет ждать конь. Там же я оставлю мужскую одежду. Другого шанса не будет.

- Меня убьют? – спросила Маниша.

- Нет, если не найдут, - сказал Сонгцэн.

- Почему вы это делаете?

- Не хочу, чтобы ты меня отравила или задушила.

- Вы могли просто сказать остальным о письме, - сказала девушка. – Мое бегство ваш клан может воспринять как оскорбление.

- Ты заставила меня подумать о том, о чем я думать не хотел, - сказал Сонгцэн. – Я понимаю тебя чуть лучше, чем хотел бы.

- Ваше сердце тоже не принадлежит вам? – догадалась Маниша.

Сонгцэн грустно усмехнулся. Не он сказал об этом вслух, но девушка была права.

- Я надеюсь, что вы с ней буде вместе, - сказала девушка.

- Надеюсь, как и ты с ним. В два часа ночи, в другое время тебя поймают, - напомнил Сонгцэн.

- Хорошо, - Маниша кивнула, и Сонгцэн впервые увидел на её лице искреннюю улыбку.
